

Ночной паром в Танжер

Автор:

[Кевин Барри](#)

Ночной паром в Танжер

Кевин Барри

МИФ Проза

В комнате ожидания паромного терминала в испанском порту Альхесирас маются двое престарелых ирландцев – Морис и Чарли, давние партнеры-контрабандисты. Они ждут прибытия судна из Танжера. Или судна в Танжер? Они ищут дочь Чарли, сбежавшую из Ирландии после смерти матери. Чарли ждет встречи и примирения, ему беспокойно на душе. Это ночное бдение в духе Сэмюэла Беккета – лишь канва для путешествия во времени, веселого и грустного одновременно. Кевин Барри – один из самых известных и титулованных современных ирландских писателей, лауреат Дублинской литературной премии. Его роман «Ночной паром в Танжер» вошел в лонг-лист Букеровской премии в 2019 году, а права на экранизацию приобрел Майкл Фассбендер. На русском языке публикуется впервые.[i]В книге присутствует нецензурная брань![/i]

Кевин Барри

Ночной паром в Танжер

Kevin Barry

Night Boat to Tangier

Издано с разрешения Conville & Walsh UK and Synopsis Literary Agency

Дизайн серии, иллюстрация и дизайн внутреннего блока Макса Зимина (дизайн-студия «Космос»)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Редакция посчитала необходимым оставить в тексте перевода сцены упоминания запрещенных веществ, так как они важны для раскрытия сюжета и характера героев, а также по той причине, что их упоминание негативно окрашено и не может являться пропагандой. Авторскую пунктуацию и орфографию мы тоже сохранили, в том числе и написание слов на испанском языке.

© Kevin Barry, 2019

© Перевод на русский язык, издание на русском языке ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

?

Для Оливии

В Испании мертвые живее, чем в любой стране мира

Федерико Гарсиа Лорка

Глава первая. Девушки и собаки

В порту Альхесираса, октябрь 2018 года

Неужто конца-края этому не будет, Чарли?

Да ты сам не хуже меня знаешь, Морис.

Два ирландца мрачнеют в промозглом свете терминала, страдальчески и горестно жестикулируют – они родились с такими жестами и с легкостью ими разбрасываются.

Ночь в старом испанском порту Альхесираса.

Да и хуже места не придумаешь – тут прямо-таки надо отрастить глаза на затылке.

В паромном терминале жуткая атмосфера, зловещее чувство. Разит уставшими телами и страхом.

Видны потрепанные плакаты – пропавшие без вести.

Слышны объявления таможни – narcotraficante.

Варится в собственном ночном поту слепец, продает лотерейные билеты и щелкает зубами, как жирный гремучий гад, – лучше от его присутствия не становится.

Ирландцы беспечно глядят на лица прохожих, расплывающиеся в семи человеческих тревогах: любовь, скорбь, боль, сентиментальность, алчность, похоть, желание умереть.

Выше над ними, по эскалатору, – кафе-бар: шипит ожиданием, звенит жизнью.

Есть окошко с надписью Informacion – ну очень полезное, и под ним вопросительно торчит небольшой карниз.

Морис Хирн и Чарли Редмонд сидят на скамейке в нескольких метрах к западу от окошка. Им чуть больше пятидесяти. Теперь-то годы катят как волны. Их лица старой закалки – твердые линии подбородков, безалаберные рты. И по-прежнему – чуточку – лихой вид.

Оба в идеальном тандеме поворачиваются к окошку со знаком Informacion.

Не подскочишь, Чарли, не спросишь еще разок, для верности? Когда там, бишь, следующий паром?

Да, но там все тот же сидит. С кислой рожей. Он не из разговорчивых, Мосс.

А ты попробуй, Чарли.

Чарли Редмонд встает со скамейки, рассыпая кряхтенье. Разминает длинные кости. Подходит к окошку.

Он хромает и подволакивает неживую правую ногу с мягким скользящим движением, с натренированной легкостью. Забрасывает на стойку локти. Излучает наглую угрозу. Цепляет гримасу уличного пацана. Его испанский акцент – родом с севера Корка.

Hola у buenos noches[1 - Здравствуйте и добрый вечер (исп.). – Здесь и далее прим. пер.], говорит он.

Долго ждет, оглядывается через плечо, окликает Мориса.

Глухо, Мосс. Так и смотрит с кислой рожей.

Морис грустно качает головой.

Блин, ненавижу безграмотность, говорит он.

Чарли пробует еще раз.

Hola? Прошу прощения? Хотел узнать насчет следующего парома, который с Танжера? Или... в Танжер?

Печальное молчание; жест.

Чарли оглядывается на друга и пожимает плечами, как *informacionista*.

Тут только руками разводят, Морис.

Ты ему *habla ingles*[2 - Вы говорите по-английски? (исп.)] скажи, Чарли.

Но Чарли уже всплеснул руками и шаркает обратно к скамейке.

«Хуябла», говорит. Только руками разводит и глазами хлопает.

И рожа как от неудачного брака, говорит Морис.

Резко разворачивается и вопит в окошко:

Рожу попроще сделай, сука!

...и теперь довольно склабится.

Такая развязная скверная улыбка мелькает у Мориса Хирна часто. Левый глаз у него мутный и мертвый, правый – как заколдованный, жизнь в нем бьет ключом, словно компенсация. На Морисе потрепанный пиджак, черная рубаха с распахнутым воротом, белые кроссы и котелок, задвинутый далеко на затылок. Сразу видно: когда-то во все края мужик, но уже давно нет.

Ну ты прям поставил его на место, Морис. Прям вправил мозги.

А Чарли Редмонд? Лицо какое-то старомодное, как у придворного шута – средневековое, того и гляди сбцает на лютне. В каких-нибудь там зарослях лабазника. Жаркие любвеобильные глаза и опять же потрепанный костюм, но

стильные туфли ржаво-рыжего цвета – пара замшевых штиблет, от которых так и тянет борделем, и чудный галстук из зеленого вельвета. А еще расстройство желудка, мешки под глазами, как могилы, и вдобавок расстройство души.

На полу, между их ног, сумка – старый раздолбанный «Адидас».

Сколько лет мы сюда наезжаем, Чарли?

Да уж.

Так-то подумать, язык пора уже знать.

Да тормоза мы, Морис.

И не говори.

Бедный Морис Хирн из Тохера, человек с социального днища, обзревает толпу.

Вдруг кончик шнобеля Чарли подергивается, считывая перемены в воздухе терминала.

Polіс?а, говорит он.

Где?

Ты чем смотришь? Вон.

Напугал, блин. Выдохни, Чарли.

Знаешь что, Мосс? Не завидую я твоим шансам в альхесирской тюрьме. Сечешь? В общей-то камере?

Да я слишком красивый для общей, Чарли. Получаса не пройдет, как буду чьей-нибудь супругой. «Педро, иди скорей, ужин готов».

Polіс?а снова растворяется в толпе.

Толпа к этому времени растет.

Никто не знает, что сегодня придет или уйдет по Гибралтару – на другой стороне волнения; в Танжере беспокойно, и уже не в первый раз.

Может, мы тут на часы застряли, Морис.

Так-то они не сдвинутся до двадцать третьего. А еще не полночь.

Да, вот только до какого конца двадцать третьего? Зашевелятся в пять минут первого? Или без пяти минут полночь? Это все двадцать третье. Вдруг весь день сидеть придется.

Благодаря высоким окнам взору предстает зарисовка сложного освещения в порту Альхесираса. От света прожекторов, зависшего смога и остаточной рефракции после солнцепека позднего октября воздух густой и дымный, и ночь от этого светится – глаз не отвести – и такая непроглядная. И тяжелая – самое оно для призраков, которые висят здесь над нами.

Скрипит динамик – тирада быстрых испанских согласных на пылком андалузском наречии – и мужчин раздражает это вмешательство.

Объявление все не кончается, задыхается и усложняется – уже на подходе к истерике – и, не зная языка, ирландцы теряются и злятся.

В конце концов объявление затихает и заканчивается, и они переглядываются.

Прям все сразу понятно стало, да, Морис?

Да уж, Чарли. Все сразу понятно.

Морис Хирн встает со скамейки и вытягивается во весь рост. Озабоченно прислушивается к хрусту суставов – твою ж мать. Чувствует рептильи узлы спины.

Едрить твою Иисусе в Гефсиманском саду, говорит он.

Болезненно прищуривается на высокие окна и спрашивает друга одним быстрым безмолвным взглядом; Чарли Редмонд в ответ устало вздыхает.

Они достают из сумки «Адидас» пачки флаеров, распечатанных на принтере. На каждом – фотография девушки лет двадцати. Это Дилли Хирн. Нынешнее местонахождение неизвестно.

?

Мы ищем молодую девушку, говорит Морис.

Мы ищем дочь этого человека. Он не видел дочь три года.

Фотка уже малек старовата, но гатч[З - Gaatch с коркским произношением означает «норов», «манера держать себя».] у нее, небось, все тот же.

Морис? То-то они дохрена поняли про этот твой «гатч».

Фотка уже старая, но... вид у нее, небось, тот же.

Маленькая. Красивая. Наверняка до сих пор с дредами.

Дреды, понимаете? Боб Марли? Джа Растафари?

При себе у нее, небось, собака или две.

Собака, на поводке такая?

Она красивая. Ей уже двадцать три. У нее растафарские дреды.

Знаешь, что нам нужно, Чарли?

Что же, Мосс?

Нам нужно испанское слово для «красти».

Красти? переспрашивает Чарли. Это лохматые засранцы которые? Все из себя на нью-эйдже которые? Так они называются?

И кроме того...

Я-то не против, Морис, но именно местные засранцы и изобрели красти.

Так у них погода для этого подходящая, Чарли. Валяются там на черном песочке на своих пляжах. С девушками и собаками.

?

Кажись, я кое-что все-таки знаю, Мосс. Если подумать. В смысле, на местном.

Валяй, Чарли.

Supermercado.

И что это на наши деньги?

«Теско»[4 - Крупнейшая розничная сеть в Великобритании и Ирландии.].

И я парочку помню. Типа... Gorrion?

Что-что горит?

Gorrion! С того времени, когда я был в Кадисе... Я тебе не рассказывал, Чарли, про то, как я любил женщину старше себя в Кадисе?

Лучше бы не рассказывал.

Мы занимались любовью всю ночь, Чарльз.

Ты тогда был моложе.

А знаешь, что она для меня делала по утрам?

Я весь внимание.

Кормила меня воробьями, Чарли.

Они тут все подряд жрут, да? Охреневшие.

Gorrion! Воробей!

Если шевелится – значит, сожрут. В сковородку – и в хлеборезку. Но, небось, это жирная штука, а, Мосс? Мелкий воробушек?

Масляная, как прическа Джона Траволты. И есть там на костях нечего, прямо скажем.

Если меня спросишь, Морис? У меня жопа до сих пор не того после осьминога в Малаге.

Привет тебе передает, Чарли?

Большой привет, да. И конечно, осьминог – это еще не самое худшее, что есть в Малаге.

Не, куда там.

Даже не близко.

?

Шум ночи в Альхесирасе.

Новостные помехи объявлений по громкой связи.

Резкий насекомый треск полицейских катеров в гавани.

Мягкий гул неугомонной толпы в здании терминала.

Снаружи.

Боевой пес налаял целый двор звезд.

Истребитель с военной базы рвет небо.

Внутри.

Придурковатый малец нараспев читает арабскую молитву.

Со смехом хлещет краник эспрессо.

И, вытянув длинные мосластые ноги, скрестив их на лодыжках, сплетая пальцы рук за затылком, Чарли Редмонд закидывает голову, окидывает взором поднебесные своды терминала и жизненные тяготы в целом.

А знаешь, что самое грустное, Морис?

Что же, Чарли?

Не получаю удовольствия от зеркала с самого девяносто четвертого.

Ты в свое время был красавец мужчина, Чарли.

Аж сердце замирало! И стилига тот еще.

Морис поворачивается налево, направо, с хрустом разминая шею. Память прорезают образы. Лес в Уммере, на севере Корка, где он провел детские годы. И Дилли в детстве, когда он гулял с ней в серо-белой лондонской зиме, по Страуд-Грин-роуд. И Синтия – в доме у Берхэвена, на утренней постели под лучами солнца.

Из меня, наверно, секс-символ был никакущий, говорит он. В смысле, напечатай вот эту стремную рожу в газете – и смотреть не на что. И все-таки, гляди ты, что вышло, а?

Просто волшебство какое-то, Мосс. Точнее, было когда-то. Было.

Они смотрят вдаль. Они выпускают вздохи. Они прячутся за разговорами от чувств. Они берут флаеры и снова поднимаются. Они раздают флаеры прохожим – мало кто берет. Симпатия – только в потупленных мягких взглядах. Здесь пропавшие – это целый немой легион.

Ее зовут Дилл или Дилли, говорит Чарли.

Возможно, она была в Гранаде? Не очень давно.

Она, небось, с целой компанией. Они же стаями передвигаются, да?

Стадами, эти крастаманы.

Дилли Хирн, двадцать три, красавица, с дредами и собаками, и глаза светло-зеленые.

Глаза у нее от матери. Мать была левоногой[5 - Ирландское насмешливое прозвище протестантов; связано с тем, что, когда протестанты копают могилу, упираются в землю левой ногой.] из Кинсейла.

Царствие ей небесное.

Зеленые глаза, и сама такая маленькая. Дилл или Дилли?

Морис?

Чарли засек прибытие в терминал молодого человека. Теперь его заметил и Морис. Парень не старше двадцати, с дредами, в солдатских штанах и армейских ботинках, несет рюкзак в состоянии комичного дезабилье. С собакой на поводке. Скидывает рюкзак. Он покрыт темным загаром. И в кожу въелась пыль – красная пыль гор. Достает литровую пачку vino tinto[6 - Красное вино

(исп.).]. Достает из рюкзака блюдце, плещет в него немного вина и ставит перед собакой. Говорит с английским акцентом, сельским, из Уэст-Кантри.

Давай по маленькой, Лорка, говорит он. За твое здоровье, приятель.

Морис и Чарли с интересом наблюдают. Сухо переглядываются. Собака лакает вино; молодой человек гладит собаку и смеется. Морис и Чарли подходят. Стоят молча, улыбаясь. Парень тут же с каким-то страхом поднимает взгляд и берется за поводок, словно чтобы сдержать пса. Морис переводит улыбку на собаку, зажимает язык зубами и с силой сплевывает:

Кссссст!

?

Но Чарли Редмонд? Он с собаками на «ты». Протягивает Лорке длинную руку, берет за лапу, пожимает. Свободной рукой, раскрыв ладонь, водит перед глазами пса, словно чтобы загипнотизировать, покачивает туда-сюда – и вот животное уже очаровано.

Октябрьской ночью Морис и Чарли сидят в альхесирском паромном терминале на скамейке к западу от окошка с надписью Informacion, прочно зажав между собой растрепанного молодого человека.

Все трое разглядывают смеющегося влюбленного пса.

Славный паренек, да? говорит Чарли.

Очаровашка, говорит Морис.

Очаровательный зверь, говорит Чарли. Как, говоришь, его звать?

Его зовут Лорка.

А ты у нас?

Бенни.

Молодцом, Бен.

Бенни и Лорка. Мило. Назвал в честь полузащитника, да? Был же такой в «Реал Мадриде»? Примерно в одно время с Зиданом?

Смазливый такой? спрашивает Морис. Полузащитник?

Всегда обожал этого полузащитника, говорит Чарли. Мелкий и быстрый.

Резкий и смазливый, говорит Морис. Так ошарашивает, попробуй его закрыть.

У тебя такой же стиль был, да, Морис?

О, бегать-то я бегал, Чарльз.

На первых пяти ярдах ты был как молния.

Вот только с мячом работать не умел, Чарли.

Очень уж ты самокритичный.

Бенни встает и тянется к собаке – хочет свалить от этих пожилых джентльменов.

Мужики, мне уже, наверно, пора, говорит он.

Но Чарли по-дружески поднимает руку, задерживает на миг – для комического эффекта – и тут крепко хватает за плечо и твердо сажает молодого англичанина обратно.

Чего торопиться, Бен. Понимаешь ведь?

Но послушайте, говорит Бенни.

Морис вскакивает и прижимается лицом к лицу Бенни.

Ее звать Дилли Хирн, говорит он. Дилл или Дилли?

Ей сейчас уже двадцать три, где-то так? говорит Чарли.

Не знаю я никаких Дилл или Дилли! Не знаю никаких...

Ирландка?

Некоторых ирландцев я знаю.

Ну-ка? говорит Чарли.

Но не знаю никаких Дилл или Дилли. В смысле...

А где ты познакомился с теми ирландцами? Где, Бен? В Гранаде, да?

Не знаю! В смысле, я же встречал дохренища гребаных...

Бенджамин? перебивает Морис. Мы тут не говорим, что вы все друг друга знаете и все такое. Естественно, вас тут, милых детишек, полмиллиона по Испании шатается. Это мы все понимаем.

Потому что погода подходящая, шепчет Чарли.

Спите тут на пляжах, шепчет Морис.

Как цари природы, говорит Чарли.

Прогулки под луной, говорит Морис.

Чарли встает и декларирует с мягким придыханием:

«Звезд небодрево усеяно влажными ночной бирюзы плодами». Это откуда, Морис?

Кажись, из Барда, Чарли. А может, из малыша Стиви Уандера.

Гений. Этот малыш Стиви.

Чарли с интеллигентной улыбкой священника хромает вокруг скамейки. Дружески охватывает рукой шею Бенни. Наклоняется и шепчет на ухо:

Девушки и собаки на мягких дюнах пляжей, и небо над вами сияет, аки царство небесное.

И вот ты такой лежишь, Бен, говорит Морис, и смотришь. И не поймешь, паришь или падаешь. Как думаешь, Чарли, он слышит море?

А как же, Морис. Оно шепчет. Нежно. На краю его снов.

А знаешь, чего он не хочет в своих снах, Чарли?

Чего же, Мосс?

Нас, мудил таких.

Она маленькая, Бенни. Красивая. И понимаешь, какая штука? Нам сказали, она направляется в Танжер.

А может, из Танжера.

Двадцать третьего числа сего месяца. Хоть туда, хоть оттудова? Все одно двадцать третье.

Это нам любезно сообщил молодой человек в Малаге.

Поскольку молодой человек почувствовал себя в разговорчивом настроении.

Морис снова придвигается к Бенни и приглядывается. Есть в повадках паренька что-то речное. Что-то от бобра или хорька. Морис читает расплывчатые голубые пятнышки в радужках. Долго он не проживет, думает ирландец. Есть в них что-то загнанное. Парень боится, и правильно боится. Теперь Морис нежно признается:

Понимаешь, приятель, это моя дочь. Пропала. Ты представляешь, каково мне?

У тебя самого есть малые, Бен? спрашивает так же нежно Чарли.

Спиногрызы, Бен? Не? Не осталось после тебя где-нибудь выводка?

В Бристоле каком-нибудь? спрашивает Чарли. Остались где-нибудь Бенджамины-младшие? Вылезли из какой-нибудь несчастной беспутной крастипташки, которая повелась на твои влюбленные глаза?

Которую ты поматросил и бросил, говорит Морис.

Бенни качает головой. Оглядывается в поисках помощи, но остается со своей бедой наедине.

Есть же в тебе сочувствие, Бенни, говорит Морис. Ты хороший человек. Я же вижу. Посочувствуй мне, ладно? Представь себе, что после трех лет ты на все пойдешь, лишь бы избавиться от этого чувства. Потому как мое сердце что? Сердце у меня, блин, не на месте, носится неприкаянное по всему миру. И нам сказали, что она едет в Танжер, моя Дилли, и что она путешествует со своими.

Не знаю, говорит Чарли, снова присаживаясь и лениво взмахнув рукой. Может, в Альхесирас прибудет весь конвой? Провели зиму в Африке, пока солнце пекло ваши костлявые кочевые задницы. Мило. И вокруг только и делают, что порхают цветные пташки. И розовые, и зеленые, и желтенькие. И все такое гостеприимное. Так что, Бенджамин? Бен? Что-то ты с лица спал, пацан.

Сейчас я, Бенни, спрошу тебя еще раз. Дилли Хирн? Дилл или Дилли?

Да я в душе не ебу ни про каких Дилли!

Теперь Чарли обнимает парня за шею.

Знаешь, что я думаю, Морис?

Это что же, Чарли?

Я думаю, этот парень дробит до слепоты.

Злой ты, Чарльз.

Бенни порывается встать, но Чарли – с улыбкой, сильно – прижимает его обратно.

Понимаешь, что происходит, Бенни, говорит он, из-за такого количества самоублажения – и это только мое мнение, сынок, в смысле, только моя теория, понимаешь? Мои... мрачные представления. Но что происходит из-за самоудовлетворения – тратится впустую не только семя, не просто мужская сила. Что происходит, по моей теории, я вообще-то об этом немало размышлял...

Философ, говорит Морис. Извольте видеть. Чарльз Редмонд Фарранрийский.

Понимаешь, на мой взгляд, то, что много дробить, влияет на мозг и портит память.

Память твоя? говорит Морис.

И резко щелкает пальцами.

Капут, говорит он.

А теперь уже слезы лить поздно, сынок. Потому что, что в альхесирском паромном терминале?

Слыхали и что похуже.

И не подумай, в этих моих размышлениях нет ничего личного, Бенни. Но должен сказать, у тебя в общем и целом вид охреневшего ненасытного дровича, понимаешь?

Да у него одна рука длиннее другой! кричит Морис.

И встает, и тащит Лорку за поводок, словно порывается уйти с собакой.

Пошли, говорит он. Вот было бы охренеть как ужасно, если бы бедняжка Лорка проснулся в порту Альхесираса без башки? Просто кошмар, Бен.

Страшные тут места, говорит Чарли.

Места тут жуткие, говорит Морис.

Такие места, где по одному щелчку все может покатиться под откос, Бен. Усекаешь?

Дилли. Ты видел Дилли?

Маленькая.

Красивая.

Дилл?

Или Дилли?

Когда молодой человек наконец отвечает, голос у него пустой, слабый:

Может, и видел один раз в Гранаде, говорит он.

?

Это типично гибернийская[7 - Hibernia – название Ирландии на латыни.] проблема – распавшаяся семья, утраченная любовь и вся прочая меланхолия, и решать ее рекомендуется гибернийским средством: нахер всё, пошли накатим.

Они переходят в кафе-бар. Словно на прогулке в приятный вечерок. Молодой человек, Бенни, пристроен между ними, пока они поднимаются по эскалатору аккуратным этапом, он мог бы броситься бежать, но почему-то мешкает.

Бар угрюмо поджидает под лампами дневного света. Плетет нить своих голосов. Мужчины садятся на три крутящихся стула, которые ржаво скрипят при повороте. Это место, где время можно расслышать. Чарли и Морис уселись по сторонам от Бена. Все трое пьют пиво из маленьких стаканов. Лорка сидит довольный под присмотром Чарли.

И как тебе Испания, Бен?

Ничего.

Мы с этим вот человеком наезжали сюда в давние времена. О каких временах, бишь, речь, Морис?

Девяносто второй, Чарли. Девяносто третий?

Время, Бенни? Оно как пух на ветру.

Бенни? говорит Морис. У тебя что-то мрачный вид. Расслабься. Мы тут просто потихонечку попиваем cerveza[8 - Пиво (исп.)], промокаем глотки.

Чарли наклоняется и ласково беседует с собакой.

Кто тут мой любимчик? говорит он.

Собака закатывает глаза. Чарли Редмонд тут же угадывает мелодию собаки и напевает ее. Теперь шепчет, как футбольный комментатор:

Мяч у Зидана... Резкий поворот... Он целится... Пробивает в ворота... Рауль! Рауль мажет, мяч у вратаря... Нет! Вратарь выпускает!.. А Лорка не выпускает

момент!.. И весь «Бернабеу» скандирует его имя.

Морис наклоняется к Бенни для конфиденциального разговора:

Чарли Редмонд? Если спросишь меня? Этот человек умеет общаться с собаками на животном уровне. Понимаешь, что я хочу сказать?

Понятия, блин, не имею.

Они перед ним чуть ли не на задних лапах ходят.

Правда, что ли?

Сейчас Чарли советуется с собакой и на миг внимательно прислушивается.

Слышали? Говорит, Рауль – самый самовлюбленный поганец, что только надевал бутсы. За всю жизнь паса не передал.

А тебе еще что-то надо от центрфорварда? говорит Морис. Я был такой же и играл левым инсайдом.

Положа руку на сердце, Морис, ты с мячом и близко так не работал, как Рауль.

А я никогда и не говорил, что я футболист уровня «Бернабеу», мистер Редмонд.

Чарли снова наклоняется, словно дальше слушая собаку.

Что он там тебе рассказывает, Чарли?

Рассказывает, что этот парень нам что-то недоговаривает, Мосс.

Слушайте, говорит Бенни. За пиво спасибо, но мне пора. Правда.

Морис с быстрым скрипом разворачивается на стуле и тыкает большим пальцем Бенни в глаз. Молодой человек вскрикивает, но Морис его заглушает, прижимая ладонь ко рту.

Вот честно, Бен? говорит Чарли. В альхесирском терминале и не на такое насмотрелись.

Лично я убежден, что это одно из самых злодейских мест на земле, Бен.

Чарли с встревоженным видом принимает.

В смысле, только принимайся? Чуешь потустороннюю вонь? Запах костей и праха.

Так они едут, Бенни? Едут?

Я не понимаю, о ком вы.

Дилл? Или Дилли?

Когда она была в Гранаде, Бен?

Пожалуйста, говорит Бенни. Пожалуйста, хватит.

Ладно. Мы знаем. Ты просто хочешь вернуться к беззаботным похождениям. Мы понимаем.

Бенджамин? говорит Чарли. Он у нас хочет пляж с черным песочком. Он хочет трепаться ни о чем. Он хочет, чтобы вокруг качались дреды. Он хочет, чтобы девчонки и собаки ловили каждое его слово. Хочет душевно глядеть на лунный свет. Трепаться за звезды, лей-линии, джа растафари и волшебный смысл числа двадцать три.

Нет чтоб пойти и работу найти, да?

Да о чем ты.

Все! говорит Бенни. Я пошел.

Морис наклоняется, прибивает его к стулу, кусает за плечо. Чарли заглушает крик кончиками пальцев, крепко прижав их к губам Бенни.

Бен? Ничего страшного не случилось.

Они едут, Бенни? Едут?

Я ничего не знаю. Я не могу вам помочь. Может, я один раз видел Дилли в Гранаде. Но это было давно.

Чарли слезает со стула в печали. Берет собаку за поводок. Отходит от остальных, повернувшись к ним спиной. Тяжело дышит, словно чтобы сдержаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Здравствуйте и добрый вечер (исп.). – Здесь и далее прим. пер.

2

Вы говорите по-английски? (исп.)

3

Gaatch с коркским произношением означает «норов», «манера держать себя».

4

Крупнейшая розничная сеть в Великобритании и Ирландии.

5

Ирландское насмешливое прозвище протестантов; связано с тем, что, когда протестанты копают могилу, упираются в землю левой ногой.

6

Красное вино (исп.).

7

Hibernia – название Ирландии на латыни.

8

Пиво (исп.).

Купить: https://tellnovel.me/ru/barri_kevin/nochnoy-parom-v-tanzher

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)